

ДУША КАМНЯ: СИМВОЛИЗМ МИНЕРАЛОВ В ВЕПССКИХ ДЕРЕВНЯХ КАРЕЛИИ. Резюме

Анна Варфоломеева

В статье рассматривается влияние доминирующих дискурсов и локальной культуры на представления о горном деле в вепсских деревнях Карелии. Начиная с XVIII–XIX веков одним из основных занятий вепсов, проживающих в Карелии, была добыча редких минералов – габбро-диабазы и малинового кварцита; тесная связь с горным делом сохраняется в вепсских деревнях и в настоящее время. Идентичность местных жителей была во многом сформирована под воздействием горного дела, которое и сегодня развивается в регионе.

Взаимодействие между коренными сообществами и горнодобывающими компаниями часто рассматривается через такие оппозиции, как «традиционный образ жизни – развитие горного дела» или «представитель коренного народа – промышленный рабочий». Как показывает целый ряд исследований, эти оппозиции могут быть переосмыслены: представители коренного населения зачастую имеют опыт добычи минеральных ресурсов в прошлом, работники горной промышленности, покоряя природу, одновременно ищут новые пути взаимодействия с ней, а нефтяные компании нанимают оленеводов, которые сочетают работу на месторождении и натуральное хозяйство. Тем не менее, представители коренного населения нередко принимают определения и категории, сформированные под воздействием государства или горнодобывающих компаний. Этот процесс достаточно заметен в России, где случаи открытого противодействия коренных сообществ государству или промышленным компаниям редки, и чаще выбор делается в пользу скрытых форм протеста.

Локальная идентичность, однако, формируется не только под воздействием доминирующих дискурсов, но и через исторический опыт народа, экономическую активность в регионе, черты ландшафта и взаимодействие с природой. Одним из факторов, влияющих на локальную идентичность жителей вепсских деревень в Карелии, становится историческая связь с горным делом. Настоящее исследование показывает, что взаимоотношения коренных народов с добывающими компаниями могут выходить за рамки установившихся дихотомий, а историческая связь с горным делом в некоторых случаях становится важным аспектом, оказывающим влияние на отношение местных жителей к промышленному развитию в регионе.

Исследование базируется на этнографических методах: включенное наблюдение и интервью, проведенные с жителями трех вепсских поселений Прионежского района Республики Карелия – деревень Шокша и Рыбрека, а также поселка

Кварцитный. Шокша и Кварцитный располагаются на расстоянии пяти километров друг от друга, вблизи двух карьеров, один из которых производит блоки малинового кварцита, на другом добывали прежде кварцитный щебень, а в настоящее время он закрыт. В деревне Рыбрека, которая находится на расстоянии примерно сорока километров от Шокши и Кварцитного, несколько частных компаний сейчас добывают щебень и блоки габбро-диабазы.

Интервью проводились в период с июля 2015 по февраль 2016 года; всего в данной статье цитируются 22 записанных интервью, а также неформальные разговоры с местными жителями. Возраст информантов на момент интервью варьировался между 47 и 88 годами; большинство из них, таким образом, имели опыт работы в горном деле в советский и постсоветский периоды. 21 из 22 информантов работали на добыче диабазы или кварцита либо в прошлом, либо в период, когда проходило интервью. Все записанные интервью были частично структурированными и продолжались от сорока минут до двух с половиной часов. В большинстве случаев интервью начиналось с вводных вопросов об истории семьи информанта и этапах его биографии, а затем акцент был сделан на нескольких тематических областях, куда вошли восприятие работы в карьере в советский и постсоветский периоды, связь с вепским языком и культурой (если она существовала), воспоминания информанта о жизни в районе в прошлом и взгляды на ситуацию в вепских деревнях в настоящее время. Для того чтобы увеличить число возможных информантов, использовалась выборка по методу «снежного кома». Во время полевой работы не ставилось цели проводить интервью только с информантами, имеющими вепские корни, поскольку связь местных жителей с горным делом, исторически сложившаяся в вепских деревнях, оказывала влияние и на тех, кто переехал в Карелию из других регионов страны.

Для того чтобы проследить влияние доминирующих дискурсов о природе и добыче ресурсов на отношение местного населения Прионежского района к горному делу, полевая работа также включала анализ публикаций в карельской прессе. Речь идет в основном о публикациях в газете «Коммунист Прионежья» (после 1991 года сменившей название на «Прионежье») – центральной газете района; предпринятый в статье анализ базируется на материалах газеты, опубликованных в период с 1930-х до 1970-х годов. Чтобы показать современные дискурсы в прессе, были также включены данные публикаций 1991–2015 годов в нескольких региональных газетах: «Прионежье», «Карелия» и «Kodima» (газета, которая публикуется частично на вепском языке).

Республика Карелия является известным туристическим направлением во многом благодаря своим природным красотам. Карелия также богата минеральными ресурсами: здесь есть месторождения железа, хрома, урана, гранита, диабазы, мрамора, шунгита, драгоценных металлов. Территория Карелии – место традиционного проживания финно-угорских народов: карелов, вепсов и финнов. Согласно переписи 2010 года, численность вепсов в Карелии составила 3423 человека (в целом в России 5936 вепсов, которые также проживают в соседних с Карелией Ленинградской и Вологодской областях). В 2000 году вепсы были включены в Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации.

Исторически вепсы заселяли область между Онежским, Ладожским и Белым озерами, которая получила название Межозерье. Под влиянием административных делений и отсутствия развитой транспортной системы вепские деревни, принадлежащие к различным регионам, стали развиваться сравнительно изолированно друг от друга. Горное богатство Прионежского района оказало влияние на экономическую деятельность вепсов, проживающих на этой территории, и уже в XVIII веке прионежские вепсы были известны в Карелии и за ее пределами как умелые каменотесы. Среди прочих горных пород в Прионежье добывались два редких минерала – габбро-диабаз и малиновый кварцит. Диабаз, темно-серый камень, который становится черным при полировке, добывается только на месторождениях, расположенных на территории Карелии, Украины и Австралии (причем, как утверждают карельские горняки, украинский и австралийский диабаз уступает карельскому по качеству). Малиновый кварцит особенно ценится благодаря своему необычному темно-красному оттенку; это уникальный минерал, который добывается на единственном месторождении возле деревни Шокша. В XVIII–XIX веках габбро-диабаз и малиновый кварцит широко использовались для отделки зданий в Москве и Санкт-Петербурге (включая храм Христа Спасителя, Исаакиевский собор и Зимний дворец). В 1847 году 27 блоков шокшинского кварцита были отправлены во Францию для сооружения саркофага Наполеона в Париже. Вепские мастера нередко участвовали в строительстве в других городах; среди местного населения были распространены отхожие каменотесные промыслы.

В советский период развитие горного дела в вепском крае продолжалось. Разработка месторождения габбро-диабазы началась в Рыбреке в 1924 году; камень в основном поставляли в Ленинград водным путем. В советское время габбро-диабаз и малиновый кварцит широко использовались для отделки зданий и строительства памятников в Москве, Ленинграде, Петрозаводске, Ялте и других городах. Одним из наиболее известных примеров является ансамбль Красной площади: ее брусчатка выложена из диабазы, а малиновый кварцит использовался для строительства Мавзолея Ленина. В постсоветский период карьеры, добывающие диабаз и кварцит, были либо закрыты, либо проданы частным владельцам. Добыча малинового кварцита практически прекращена: работающий карьер выполняет в основном небольшие заказы по изготовлению надгробий. Добыча габбро-диабазы в Рыбреке, напротив, активно продолжается, однако владельцы частных компаний редко пересекаются с местными жителями, работающими на принадлежащих им карьерах. Жители Шокши и Кварцитного по-прежнему работают в горной промышленности: большинство ездит на заработки вахтовым методом в карьеры Рыбреки или других районов Карелии.

В Шокше, Кварцитном или Рыбреке приезжий с легкостью определит основной род занятий местных жителей. Куски камня видны повсюду: они могут быть частью тротуара или украшением домов, а часто просто лежат на улице возле зданий или даже на берегу озера и в лесу. Жители деревень привыкли к грохоту каждаые полчаса проезжающих грузовых машин, которые везут блоки диабазы с карьеров в Петрозаводск, столицу Карелии, или в другие регионы. Еще одним очевидным последствием горных работ в Рыбреке является пыль, облака которой

заметны над деревней в жаркий день; зимой пыль оседает на снегу, и он быстро приобретает серый оттенок. Тема горного дела доминирует не только в пейзаже, но и в разговорах местных жителей. Жизнь многих семей поделена на пятнадцатидневные периоды, когда мужчины на вахте, и двухнедельные периоды отдыха, когда выполняются многие дела по хозяйству.

Анализ газетных публикаций советского периода и интервью позволил выявить три основных символических значения камня для жителей Прионежья. В первую очередь информанты говорят о горном деле как о тяжелом, вредном для здоровья труде. Эта тема возникала и в публикациях советского периода в газете «Коммунист Прионежья», однако тон газетных публикаций был оптимистичным, и авторы материалов концентрировались на позитивных изменениях и мотиве преодоления трудностей. Для информантов же тема трудностей, связанных с горным делом, является одной из центральных. Особенно часто говорят об этом женщины, которые в прошлом обычно были заняты на тяжелых работах, не требующих квалификации (таких как погрузка камня на баржи или обработка кварцита при помощи молотка). Иногда эта тема возникает в форме шутки: несколько информантов рассказали историю о туристах из Ленинграда, принявших рабочих карьера за заключенных. В интервью камень нередко предстает как некая сила, которая определяет многое в жизни информантов, влияет на их семью и здоровье, формирует их судьбы; самим людям при этом часто отводится пассивная роль.

Карельские газеты советского времени часто представляют горное дело как «борьбу с камнем» – схватку, из которой каменотес выходит победителем, видоизменяя и «укрощая» природу (так, одна из газетных статей 1967 года носит название «Укротитель камня»). Нередко камень в таких публикациях наделяется человеческими чертами: авторы материалов подчеркивают, что в горном деле важно чувствовать «характер» или «душу» камня, а также уметь найти его «слабое место» и использовать его для того, чтобы победить. В интервью тема битвы с природой также звучит, но представлена она скорее в негативном ключе: информанты с сожалением вспоминают об осушении болота, упоминают, что в последнее время в Онежском озере стало меньше рыбы, а в лесу – меньше ягод. Однако эти изменения связываются скорее с деятельностью туристических компаний, которые покупают землю вблизи озера для строительства турбаз. Иногда информанты говорят и о негативном влиянии горнодобывающих компаний на окружающую среду, но в большинстве случаев связывают это с безразличием частных владельцев к району и его нуждам.

Еще одна тема, которая часто встречается в газетных публикациях и в интервью, – камень как предмет гордости. В советский период в газетах часто писали о том, что кварцит или диабаз из Карелии использован для строительства того или иного памятника или другого важного объекта. В 1967 году делегация горняков из Прионежья участвовала в открытии мемориального ансамбля «Могила Неизвестного солдата» в Москве, для строительства которого использовался малиновый кварцит, и их рассказы о поездке затем публиковались в районной газете. Кроме того, благодаря своей высокой прочности кварцит широко использовался в качестве технического сырья для стекольной промышленности, однако в настоящее

время в этой сфере он не применяется. Многие информанты говорят об уникальности малинового кварцита и габбро-диабазы, описывая их как удивительно прочные и красивые камни. Большинство информантов во время интервью упомянули хотя бы об одном или двух известных сооружениях, при постройке которых использовался прионежский камень. Житель Рыбреки, в прошлом работавший в карьере, рассказал, как во время учебы в Москве они с братом с гордостью говорили однокурсникам на Красной площади: «Это наш камень!». Другой информант вспомнил о поездке в Санкт-Петербург, где он увидел малиновый кварцит в отделке Исаакиевского собора, и заметил: «Я этот камень везде узнаю».

Как показывают интервью, жители вепсских деревень Карелии во многих случаях рассматривают горное дело и природу как взаимосвязанные элементы. Развитие горного дела в районе представляется закономерным следствием его природных богатств и уникальности карельского камня. В свою очередь, горное дело оказывает влияние на природу, и многие информанты упоминают, что рыбы в озере становятся меньше, а над деревней все чаще видны облака пыли. Однако даже рассказывая о негативном влиянии горного дела на природу, они в большинстве случаев винят не промышленное развитие в целом, а владельцев карьеров, которые, по мнению местных жителей, недостаточно бережно относятся к природе. Информанты нередко говорят о том, что деятельность добывающих компаний должна больше контролироваться администрацией, но само развитие горного дела в районе должно продолжаться.

Информанты часто связывают камнетесное дело с тяжелым трудом и опасностью для здоровья; кроме того, работа на карьере часто предполагает, что человек трудится на открытом воздухе при любых погодных условиях. Когда работа настолько тяжела, важным становится не только материальное вознаграждение за нее, но и ее символическое значение. Публикации карельских газет 1930–1970-х годов уделяют большое внимание этой символической составляющей горного дела: авторы материалов часто пишут о славном прошлом и настоящем вепсского камня, важности труда горняков, силе и храбрости «укротителей камня». Романтизация горного дела в газетных материалах имела эффект: и сегодня многие информанты упоминают о красоте и редкости карельских камней, их прочности и долговечности, а также об известных зданиях или памятниках, для постройки которых использовались эти камни.

Несмотря на то, что коллективная идентичность местных жителей была во многом сформирована под влиянием горного дела, их связь с природой оставалась сильной. Многие информанты, работая в карьере, проводили свободное время за сбором ягод и грибов, на охоте или рыбалке. Как горное дело, так и возможность проводить время на природе важны для их благополучия, и в интервью эти сферы жизни не противопоставляются, а «битвы человека с природой» воспринимаются скорее негативно.

Историческая связь северных вепсов с камнем сильна и сегодня, и местные жители в большинстве своем хотели бы, чтобы горное дело в районе продолжало развиваться. Однако частные компании, по мнению информантов, заботятся о благополучии района меньше, чем государственные предприятия в советское вре-

мя. В связи с этим многие испытывают ностальгию по прошлому, когда жизнь в деревнях была более организованной, а горняки чувствовали себя более вовлеченными в выполняемую работу. Местные жители говорят о проблемах с работой, инфраструктурой, недостатке возможностей для молодежи, но помимо всего этого многие чувствуют, что Прионежский район теряет свою самобытность, связанную с месторождениями редкого камня. Многие жители вепсских деревень, потомки известных горняцких династий, в связи с падением спроса на малиновый кварцит и габбро-диабаз ощущают, что утрачивают свою причастность к производству редких, нужных стране камней, а вместе с этим – и свою локальную идентичность.